

Может, я в чём-то ошибаюсь, но мне кажется, что мы совершили очередную глупость, обанкрочивая колхозы и совхозы. Обанкрочивание привело к исчезновению деревень и даже целых сёл. Вместе с тем, увеличилось число безработных. Не надо читать статистику по безработице, деревенские люди не состоят в списках центра занятости. Кому нужны доярки, трактористы. Скотники, комбайнёры? Никому. Вернее, нужны, но в очень малом количестве. Фермеру нужны 2-3 доярки и 2-3 тракториста. И всё. Столько земли, сколько обрабатывали в совхозе, ему не обработать никогда. Некоторые из этих безработных нашли себе работу в городе. Но большинство ходят по деревне и пьянствуют. Умирают десятками. Население сокращается со сказочной быстротой. Скоро не надо будет делать перепись населения, достаточно будет сделать переключку, взойдя на крыльцо. Я твёрдо уверен, что за грехи наши придётся расплачиваться если не нам, то нашим детям и внукам. Очень жаль детишек. Жаль безумно, но изменить уже ничего нельзя. Потому что мнение народа у нас учитывается в последнюю очередь. Уже больше двадцати лет идёт уничтожение экономики страны. Уничтожают колхозы и совхозы, заводы и фабрики. Ликвидировали миллионы рабочих мест. И ничего менять не собираются. То, что происходит сегодня с землёй, не имеет примера в истории. Обанкрочивание хозяйств идёт нагло, бесстыдно. Посмотрите, что сделали с совхозом «Понинский». Тысячи гектар пахотной земли зарастают лесом. Уже заросли даже дороги в дальние деревни. Скоро тайга появится у крыльца. Не будет крестьянина – исчезнет русский народ.. Более семидесяти процентов населения выходцы из деревни. Чиновники мгновенно реагируют только на то, что может помешать их карьере. А если к ним обратится крестьянин с каким-нибудь неотложным делом, ответ может быть растянут на долгие годы. Мне довелось получать разрешение на строительство дома, которое я получал около года. Каждому чиновнику надо поклониться в ноги. Для чего мне нужен снимок моего огорода со спутника. Для чего мне нужна топографическая съёмка? Мне нужно только разрешение на строительство. Все эти бумажки мне обошлись примерно в десять тысяч рублей. Народ перестал верить правительству, перестал строиться на деревне. Скоро крестьяне будут жить в землянках. Сейчас доживают в домах, которые строил совхоз. Вспоминаются стихи А.Н.Некрасова: «У бурмистра Власа бабушка Ненила починить избёнку леса попросила». В советское время желающий строить дом приходил в сельский совет, заявлял, что будет строиться и всё. Ему давали разрешение на строительство. Строиться помогал совхоз или любое другое предприятие, где человек работал. В Понино строили дома своим рабочим совхоз, колхоз, лесхоз, льнозавод, даже школа строила дома учителям. Сейчас строятся одна, реже две семьи примерно в пять лет. У Бога просить тоже ничего не надо, всё равно ни чего не даст. Просто надо говорить ему спасибо, что ещё мы живы.

Государству не нужно ничего: ни молока, ни шерсти, ни шкуры, ничего не принимают. Молоко выливают обратно корове, хорошо, если кто-то держит поросят, можно им давать. Шкуры овец и коров выкидываем за огород, собаки потом носят их по всей деревне, также выкидывается и шерсть. Сам молоко продавать не имеешь права, только начни продавать, тут же к тебе подъедут чиновники, где у тебя лицензия, где

справка от ветврача, где твоя медицинская книжка и т.д. Корче, продавать не разрешат. Раньше был молокоприёмный пункт. Молоко принимали с радостью от всех. Буквально все держали коров. Даже интеллигенция: учителя, врачи. Чиновникам это помешало, молокоприёмный пункт закрыли, теперь в Понино насчитывается целых три коровы. Скоро учеников будут возить в зоопарк, показывать лошадей и коров. В Понино осталась одна лошадь, в больнице. Скот в России пора заносить в Красную книгу: свиньи, овцы, козы и коровы вымирают. Как вымирает и сам русский народ. Деревню сначала проредила Первая мировая война, потом Гражданская, затем коллективизация и т.д. Об этом книги написаны. Полюбить землю можно только работая на ней. Нынешние демократы ничего про крестьянство не понимают. Пока деревня не наполнится народом – ничего путного не выйдет. Спасать село должна власть. Если из-под народа вырывают землю – народ перестаёт существовать. Глазовская районная библиотека выпустила интересную книгу «Глазовский район. Из прошлого в настоящее». Я с интересом её прочитал. Больше половины деревень, о которых там написано, уже нет. Мне стали интересны названия бывших деревень и названия колхозов. Например, деревня Абагурт. В середине 20-х годов в деревне насчитывалось 81 хозяйство. Недаром название колхоза было «Гигант». А на 1 января 2010 года в деревне проживало всего 28 человек. Население деревень стало исчезать. Деревня Бектыш. Название колхоза «Югыт сюрес» (Светлая дорога). Значит. Люди верили в светлое будущее. Но вот и совсем интересные названия. Деревня Катаевка – название колхоза «Весёлые ребята». Наверное, действительно весело жили, весело работали. Но как бы весело не жили, деревня исчезла в 1976 году. А вот деревня Никольское. Название колхоза всего из одной буквы «Ю». Здесь два перевода с удмуртского: Ю-пей и Ю-зерно. Наверно, колхоз всё-таки назывался зерно.

Для жизни в деревне необходима большая семья, т.к. обработка земли требует большого труда. Для нас демократия – это горизонт. Сколько до него не иди, он всё удаляется, так что нам никогда не дойти до демократии. И зря говорят, что красота спасёт мир. Мир спасёт работа. Работа не по принуждению, а по охоте, желанию.

Исчезли колхозы. Исчезли птицы. Редко увидишь в деревне несколько воробьёв. Голуби исчезли совсем. Скворцы весной пролетают мимо деревень, селятся в лесах. Почему так? Потому, что все эти птицы питались около ферм, около животных, около складов. С исчезновением колхозов исчезают даже птицы. Зато ворон появилось, небо становится тёмным, когда пролетают над головой. Невозможно стало выращивать овощи, всё съедают гусеницы. Приходиться пользоваться химией.

Непонятно, где деньги от распроданного имущества совхоза, а это 130 тракторов, 90 автомашин, 28 зерноуборочных комбайнов, больше тысячи коров, дворы, склады, дороги и т.д. Нет ни копейки, и никто вам не скажет, где они находятся. А на эти деньги можно бы асфальтировать все улицы села Понино и близлежащих деревень.

Внук учится в 4 классе. Спрашиваю его, откуда получается хлеб? Из колосков. А колоски где растут? На поляне. Он уже не знает слово поле, потому что его уже нет. Есть лес, а там поляна. Это он знает. Деревенские дети должны знать деревенскую жизнь. Скоро будем возить деревенских детишек в зоопарк показывать лошадей и коров. Разве плохо было, когда деревенские девочки приходили на фермы помогать выращивать телят, а мальчики приходили на поле к отцам, приобщались к труду. Сейчас идут по улице с бутылкой пива в руках и сигаретой во рту. Около школы стоят ученицы и курят. И ничего нельзя им сказать. Так тебя обматерят, что в следующий раз пройдёшь мимо, не глядя на них. Придумали права ребёнка. Теперь даже с доски мел стирать детям нельзя. А

попробуйте погладьте ребёнка по голове, мигом угодишь в тюрьму. И ходят дети, ищут, чем бы заняться. Таких детей мигом прихватывает криминал. Потому что в селе не работает по-настоящему ни один кружок. У нас на стадионе уже сено заготавливают. Стадион зарастает лесом, река высохла, берега заросли деревьями, власти палец о палец не стукнут, чтобы хоть что-то изменить. Вот так и доживает село Понино последние годы. Я уверен, что последние, потому что на селе нет никакой работы, село спилось. Стало страшно думать о будущем. Никто не знает, что будет завтра. И последнее. Обанкротили лесхоз, колхоз, закрыли льнозавод, маслозавод, пекарню, быткомбинат, райпо, электросети. Осталось закрыть почту, интернат и школу. Всё. Села больше не будет.

Про Костика

Стояла майская жара. Наклонись поближе к земле - видно, как пузырьками сохнет земля. Пахать бы. Трактор дома, топлива полный бак. Да Костик не выпался. Это мой сын. Вот-вот, минут через тридцать, выпится, и поедем мы с ним пахать на Чановские поля. Обед у нас полный рюкзак-хватит на двоих. Да я особенно и не ем, некогда, это всё ему, лишь бы не плакал! В рюкзаке пара варёных яиц, пол-литра молока, зелёный лук, хлеб, что ещё надо! Костику 3 года, так получилось, дома оставить не с кем, сестра старшая, Маша, в пионерлагере, бабушка болеет, а мама на переподготовке в Ижевске. Вот и приходится брать Костика с собой. Ну ладно, трактор заведён, поехали. Костик от меня слева сидит, рюкзак с обедом держит, ему нравится кататься с отцом. Доезжаем до ручейка с названием Бугельшур. Останавливаюсь, знаю, Костик пить захотел. На это дело в бардачке стакан. Напился, поехали. Ехать ещё километра два, трактор гусеничный, сзади плуг с боронами прицеплен, тяжело. Наконец приехали. Костик показывает мне вверх. Я уже знаю, что там такое - ястребы. На этом поле ястребиные гнёзда, в эту пору они несут яйца, а самцы парят над головой. Видимо, здесь только такая порода - огромные, как орлы! Размах крыльев метра полтора-два. Иной раз боялся даже, а вдруг унесёт Костика! Мгновенно спрыгивал с трактора; ты ещё не устал? Переезжаем на другое место. Там сына высаживаю, расстилаю под него фуфайку, открываю рюкзак - сиди! Но ястребы и тут летают. Ладно, надо хоть два-три круга дать, а то будем только с места на место переезжать. Ещё над головой кричит чибис. Чего кричит - не знаю! Не топчу я его, не наезжаю, а он всё одно-чьи вы, чьи вы? Да ваши мы, ваши! И тут на земле увидел чёрный комочек-бежит, только лапки сверкают. Да это же дети у чибиса! Чёрные, маленькие, как цыплята, и не заметишь. Сколько, наверное, передавил! А сколько их всего за пахотный сезон погибает! А Костик спит! Самое время! Осторожно бужу его, показываю чёрные комочки, показываю вверх, на чибиса. Сломали по маленькой веточке и айда по полю-кыш, кыш к матери! Все куда-то исчезают. Да ну их! Часа через два-три их здесь не будет. Костик спит на фуфайке - мухи лезут к сопливому носу. Надо ехать домой. Поеду пахать к вечеру, один, когда кто-нибудь дома будет.

На углу поля, за логом, собрались комбайнёры на обед. Обед-не обед, так просто, сыро ещё от росы, надо сделать маленький ремонт, ремни подтянуть, кое-где смазать, и заодно пообедать. Один из комбайнёров подходит ко мне - смотри, твой идёт! И как только дорогу нашёл? А если бы в лог скатился, а есть такие глубокие да крутые, и взрослые мужики не могут подняться. «Ты как меня нашёл?-и виду не показываю, что взволнован,- Костик?» «А я на копну забрался, с той копны ещё копну увидел, а там ещё одна, так и нашёл». «Ну, если нашёл-молодец! Мне как раз нужен помощник. Дай-ка

ключ на 17», сам пальцем ему подталкиваю, который нужен. - Ну вот, держи здесь, а я подтяну. Вот, подтянули, теперь смазать надо. А вот и обед везут. Привезли обед. Полчашки супа съел, котлету, довольный. -Теперь садись в кабину машины и поезжай домой! Шофёр уже знает, где его оставить. - Костик, скажи бабушке, что пять рублей заработал!- это чтобы бабушка не ругала. Вечером у бабушки спрашиваю, как так она его упустила? Потеряться может! – Так только вроде дома был, глядь, а уже нету...! Ну да ладно, опять день прошёл. На весовой вечером собралась молодёжь, там подсчитывают дневной намот каждого комбайнёра. Моя дочь Маша сидит в углу, гордая и счастливая - её отец намотал больше всех! Я иду домой, зову её с собой, скоро утро, а мы ещё не спали. На небе уже светло, надо хоть немного поспать.

Кирпичный завод

Наверное, мало кто знает, что около Понино до революции был кирпичный заводик. Прошу не удивляться, был и кирпичный завод. Правда, кирпичи там не делали, а занимались изготовлением горшков разных размеров. Горшков требовалось немало, поскольку в Понино и близлежащих деревнях варили пиво. Это прекрасное производство горшков изобрели и сделали братья Кротовы, жившие в деревне Коршевихино. Сначала на маленькой речке Синпал они выкопали пруд и построили мельницу, но молотье привозили мало, пришлось всё переделывать под кирпичный заводик. До сих пор существует высохшее дно пруда и дамба. Речку запружают бобры, валят деревья. Можно сходить сфотографировать. А горшков с отверстием сбоку, около самого дна в понинской стороне сохранилось немало. Наверное, жители и не знают, что сделали их братья Кротовы.

Лось

Задумал с соседом лося рассмотреть-близко-же, лежит в грязи, от паутов спасается, одни рога видать. Это было на переезде на Чульчопиевские поля. Жара. Решили с Валентином Васильевым трактора оставить в борозде, а на обед съездить на мотоцикле. Подъехали поближе к Уродвыжу (удм. плохой переезд) и видим, лежит в грязи лось, одна голова видать. Ну, а мы, удмурты, народ любопытный, надо посмотреть поближе. Мотоцикл заглушили, завернули по самокрутке, присели и смотрим. Но тут лось вытащил из грязи сначала одну ногу, потом вторую, мы переглянулись и бегом к мотоциклу! А мотоцикл-то заглушен! Наверное, около двух метров оставалось лосю дойти до мотоцикла. В коляску я попал уже на лету. Еле ноги унесли. Смеёмся потом друг над другом:-уж больно лицо-то у тебя, Валентин, белое было, как у невесты на выданье!--А близко к тебе женишок-то подбегал, от тебя даже запашок какой-то ненормальный пришёл!

Воспоминания.

28.02.2016.

Чем старше становимся, тем чаще приходят воспоминания. Иногда до таких мельчайших подробностей всё вспомнишь, до такой глубины, что ляжешь спать, крутишься, крутишься и до утра никак не уснёшь. В первый класс меня увела старшая сестра Юля, поставила около какой-то тётеньки, сказала, чтобы от неё не терялся и

убежала, потому что она уже училась в пединституте, и ей надо было на учёбу, а автобусы тогда ещё не ходили, да и машина может какая-нибудь специальная проходила раз в неделю. До Глазова в основном добирались пешком. Нас выстроили в ограде школы на линейку, всех по своим классам, директор школы поздравил нас с началом учебного года, выступали ещё кто-то, линейка закончилась и всех повели по классам. Наш класс увели на второй этаж старой деревянной школы, учительница велела всем рассаживаться, и началось знакомство. Учительницу звали Коробейникова Раиса Фёдоровна, с нами вместе училась её дочь Таня. На первом же уроке она спросила, не знает ли кто-нибудь какое-нибудь стихотворение? Я сразу выскочил и начал рассказывать, но она меня остановила, сказала, что надо поднять руку, я поднял, она велела прочесть перед классом, и я прочёл:

Тень-тень потетень,
Выше города плетень,
Сели звери под плетень,
Похвалялися весь день!
Похвалялся зайка- поди догоняйка,
Похвалялся медведь-могу песни я петь!
Похвалялася лиса- всему свету я краса,
Похвалялася коза- всем я выколю глаза!»

Не знаю, кто меня научил этому стишку, но я помню его до сих пор. Спрашивал у сестры-она только засмеялась. После этого учительница начала нас рассказывать, потому что мы расселись все по знакомству, я с Митинской девочкой Надей Кунаевой сидел за последней партой в среднем ряду, теперь оказался на первой в среднем ряду рядом с её дочерью Таней.

Отец умер осенью 1953 года, в возрасте 45 лет, поэтому помню его плохо. Денег в доме не было, мать работала в колхозе за трудодни, и за эти трудодни осенью давали зерно на хлеб. Нас у матери было семеро, Юля училась в пединституте, ей давали стипендию, не знаю сколько, но она выкраивала из стипендии немного денег и всегда, когда приходила домой, приносила с собой какой-нибудь крупы. Старший брат, Вячеслав, учился в Ижевске в ремесленном училище, остальные все были дома. Поэтому до первого класса ничего сладкого не ел, только в школе один из учеников, Боталов Толя, принёс кусок арбуза и дал попробовать. Казалось, ничего слаще я не ел. У Боталовых было двенадцать детей, но у них был отец, он работал главным бухгалтером на льнозаводе, и деньги у них были. Наверное, и мать работала там же. Толя Боталов замёрз на улице возле дома пьяный уже взрослым человеком. Зимой я начал носить нашей учительнице молоко, не могу вспомнить, наверное, мать договорилась. Жили они в старинном доме около церкви втроём, муж работал в МТС главным инженером. В благодарность за молоко они подарили мне подержанный портфель, очень красивый, с двумя кармашками на лицевой стороне. До этого я ходил в школу с сумкой из мешковины, которую сшила мать. Всего два класса проучила нас Раиса Фёдоровна, летом после второго класса они уехали в Ижевск, больше я их не видел. Летом после второго класса я тяжело заболел пневмонией, сильно похудел, врачи определили меня в детский санаторий в Глазов. Санаторий был на улице Красной, сейчас никак не могу вспомнить, где она была. Там на площади была деревянная церковь, она работала, в семь часов утра она нас будила звоном колоколов. Перед церковью была зелёная трава, там мы играли в разные игры, один раз хотели зайти в церковь, но нас не пустили, какая-то женщина зашипела как гусыня и выгнала нас. В третьем классе пришлось учиться в Глазове, учился на улице Кирова в третьей школе до

декабря. Только в декабре меня выписали, и я перешёл в Понинскую школу. Видимо, в школе не хватало помещения для нашего класса, мы учились в здании бывшего военкомата, это здание стояло чуть выше бывшего сельсовета, двухэтажное деревянное здание. Учителем нашим был Зайцев Владимир Николаевич, молодой, лет 20-25 мужчина. Сильно кашлял, иногда даже выходил из класса, чтобы прокашляться, тогда в классе поднимался шум. Он возвращался, никогда не повышал голоса, по- моему, он вообще не умел ругаться. Ещё я помню, как он послал меня за папиросами, и я специально принёс ему через час, а может и больше, знал, что он из-за курева кашляет. Он учил нас до пятого класса. В пятом классе классным руководителем стала молодая девушка Сысоева Фаина Ивановна.

Теперь нас учили уже разные учителя. По географии учил директор школы Богданов Николай Вениаминович, фронтовик. Их, фронтовиков, в школе было двое, ещё Ельцов Макар Афанасьевич, который учил по физике. Николай Вениаминович жил в д.Полдарай, а это в пяти км. от Понино, поэтому зимой приходил на лыжах, а летом на велосипеде. Всегда у входа в школу у дверей в углу стояли лыжи или велосипед, все знали, что это у директора, и никто не трогал. Они, фронтовики, казались нам взрослыми дядями, много повидавшими, мы вроде их боялись, но и уважали. Наверное, потому что они видели войну, видели много смертей, воевали сами, они очень любили детей. Я не слышал, чтобы они повышали голос на ученика, хотя на уроках Макара Афанасьевича всегда был шум. Он смеялся вместе с нами, но иногда садился за стол, смотрел в окно и ненадолго задумывался. Фаина Ивановна, классная, учила нас русскому языку. Как-то зимой она заболела, и её положили в больницу. Заменяла её старая учительница, пенсионерка, когда-то тоже очень хорошая учительница Бабинцева Татьяна Петровна. Наверное, из-за фамилии дети дали ей кличку Татьян Баба, с ударением на последней букве. До сих пор помню её уроки, у неё были свои правила, примеры, как надо писать то или иное слово. Например, правописание Ч и Щ ОНА ОБЪЯСНИЛА НАМ ТАК: В слове мужчина надо писать Ч, потому что муж имеет ЧИН, а женщина надо писать Щ, потому что она варит ЩИ! Вот и всё, коротко и ясно! И помню до сих пор. Но ругалась она тоже по своему, я сидел на последней парте, так при её ругани слюни долетали до меня! Восьмой класс был для меня последним, я взял документы и вышел из школы в большую жизнь! Остальные три класса закончил уже в вечерней школе, когда-нибудь напишу и об этом.

Тополь

У нас в деревне остался последний тополь из четырёх. Предпоследний уронило ветром два года назад, тополь упал на провода, порвал их. Целое лето его пилили хозяева, шина бензопилы не достаёт, пилы поперечной двухметровой ни у кого нет, комель так и не допилили, скатили в лог. Лежит он там, гниёт, свидетель горя и радости деревни. Деревня всегда встречала человека тополями, издали была видна его верхушка, и провожает последним тоже тополь, махая на прощание своей верхушкой. Тополь растёт рядом с человеком, поэтому он свидетель радости и горя, любви и ссор, рождения и умирания. Раньше за нижние ветви привязывались качели, дети играли под тополями на затенённых лужайках. Тополь становился родным, к нему можно было подойти и поговорить с ним, конечно не вслух, а так, про себя. И легче становилось, и покидало человека беспокойство. Тополь у нашего дома велела свалить мать, пока он не упал на дом. Наверное, на метр вершиной он качался при сильном ветре. Собрались все

деревенские мужики, мне дали верёвку, как самому молодому, я мигом взлетел с верёвкой на дерево, как можно выше обхватил верёвкой ствол и привязал верёвку узлом. Быстро скатился с дерева, внизу мужики уже пилили ствол двухметровой пилой. Когда допилили до половины, мужики взялись за верёвку, нам крикнули убраться куда-нибудь подальше, чтобы не попасть под тополь. Через полчаса тополь с хрустом упал на улицу. Сразу наступила тишина. Не слышно стало шелеста тополиных листьев, ни скрипа ветвей, задевающих друг об друга. Тишина. Потом мать заплакала. Всю жизнь прожила под этим тополем, который знал о ней всё! Тополь умер. Теперь в деревне остался последний тополь, растёт напротив моего дома, в соседском огороде. При ветре тоже качается до земли, наверное, тоже скоро свалят. И деревня может кончиться вместе с последним тополем. Смотрю на него в окно и вспоминаю. Откуда они появились в деревне, кто их посадил маленькими? Ответа не нашёл, никто не знает. В лесу тополей нет, так откуда же они появились? Я рассказал о маленьком кусочке нашей истории. Может, был в чём-то и не прав.

Памятные места

Память у человека коротка. А зачем же в наше время всё запоминать? Есть же интернет, там всё есть! Есть, да не всё!! В интернете не найдёте близких к родной деревне памятных мест, полей, покосов, пастбищ, деревьев, родников и ещё многих интересных мест. Мне хочется рассказать о своей родной деревне Митино, о её памятных местах, об их названиях, порой интересных и необъяснимых, почему они так называются.

Рядом с речкой Омутью, в километре южнее деревни Митино, был когда-то Васинский покос. В честь какого Васи его назвали - не знаю, но помню это красивое ровное место. Здесь митинские колхозники косили траву, сначала вручную, затем на конной косилке. В 1961 году образовался совхоз. На Васинском покосе сначала выстроили два картофелехранилища, перекопав половину покоса, а затем свинарник. Васинского покоса не стало, и название, наверное, никто не помнит, может, только старожилы помнят.

Речка Синпал. В переводе с удмуртского одноглазая. Сначала я думал, что выходит с одного места, но выходит она из двух мест. Оказалось, когда-то там была мельница, которую построил одноглазый мужик из д. Изошур. Поэтому речку называли одноглазой.

Поднимаясь выше по речке, попадаете поле под названием Сутскем корка инты, что в переводе с удмуртского «место сгоревшего дома». Там действительно сгорел дом, я много раз видел обгоревшие брёвна на этом месте.

Митинская поскотина - место, где митинские жители пасут скот. Раньше здесь тоже косили, а однажды посадили капусту.

Поле под названием Балалайка похоже на треугольник, потому и Балалайка. Это небольшой холм, сейчас уже порос лесом, появились грибы. Во время войны мать пахала это поле на лошади, я, когда вырос, несколько раз его пахал, засеивал и убирал урожай.

Говорили, что через месяц, как появятся проталины на этом поле, можно начинать полевые работы.

Под холмом есть родник под названием Золотой ключик. Почему Золотой - не знаю, родник не замерзает и зимой от него идёт пар.

На восток от деревни - поле, где во время гражданской войны был блиндаж и окопы. Окопы не сохранились, а с места блиндажа митинские жители после войны брали глину для битья печей.

Южнее Митино когда-то стояла большая липа с дуплом, в котором мы втроём прятались от дождя. Место так и называлось - Дырявая липа, но немногие её помнят. Липу убрали, когда начали строить зерносушилку.

На север от Митино, на краю лога стояла Большая ёлка, место так и называлось. Нам строго-настрого наказывали, что с этой ёлки нельзя ломать сучья, иначе в семье кто-нибудь умрёт. Так она охранялась. Затем было слышно, что под ней спрятаны иконы из церкви. Ёлка вскоре сгорела от удара молнии.

На горе Балалайка когда-то росла Большая берёза, на которой кто-то повесился. Конечно, это выдумки, но так хотели сохранить эти памятные места, поэтому эту берёзу обходили стороной, боялись. Потом от старости она упала и сгнила, сейчас даже места от неё не сохранилось.

Родные места надо помнить, этого нет в интернете, это только в памяти людской. Места изменяются, меняются и названия, но память людская не должна их забывать.

Одинокий скворец

Он был один. Целую неделю по утрам он летал к гнезду то с травинкой в клюве, то с какой-нибудь палочкой. Он делал гнездо для своей подруги. Мне почему-то кажется, что это был ОН. Почему он был один - не знаю. Возможно, подруга отстала в пути, и он её дожидается, а, может, погибла, а он не знает и упорно её ждёт. Прилетали по утрам другие скворцы, садились на ветки берёзы, что-то шумно обсуждали и улетали дальше в свои знакомые края, а этот скворец оставался и ждал. Часов до девяти утра он таскал в гнездо ветки и соломинки, затем садился на ветку и самозабвенно свистел, чуть расправив крылья. Каждое утро я наблюдал за ним. Примерно через неделю прилетала очередная партия скворцов, села на берёзу и начала что-то шумно обсуждать, вроде бы даже ругали одинокого скворца. Почистили пёрышки, немного посидели, затем снялись с веток и улетели неведомо куда. С ними вместе улетел и мой скворец. Теперь скворечник у моего дома стоит пустой. Каждое утро я смотрю на берёзу, на скворечник, вдруг он снова прилетит, но нет, больше ни один скворец не садится. Нынче скворечник будет пустой.

Про Омутъ.

Ещё никто не писал про нашу речку Омутъ, что течёт чуть ниже нашей деревни Митино. Попробую я что-нибудь написать. Зимой не рыбачили, может, не знали про зимнюю рыбалку, может, снастей не было. Рыбалка начиналась с весны, когда начинали

взрывать лёд. Всю зиму на берег реки возили лес, дорога в Глазов не была расчищена, да и техники не хватало, поэтому лес сплавляли по реке во время разлива. А чтобы на реке не было заторов, лёд взрывали аммоналом, а у нас уже были приготовлены снасти: к длинному шесту привязывался небольшой круг из проволоки с сеткой. После взрыва все бегом бежали к реке, рыба плавала вверх животом, оглушённая, нужно было успеть её поймать сеткой, иначе через некоторое время она оживала и уплывала. За час набиралась объёмистая сумка килограмма на три. Лёд уходил, и наступало время брёвен. Их бульдозером подталкивали в реку, набирали побольше и кучей отправляли. Иногда получался затор из брёвен, а мы, недолго думая, перебежали речку по этим брёвнам, не зная, что можно попасть под них и утонуть. Лес постепенно уходил, речка мельчала, вода становилась чище и наступала рыбалка удочкой. Ловили пескарей, мальков, ершей, иногда голавликов и окуньков. Знали, что когда расцветает шиповник, играет голавль. Мы собирались по три-четыре человека с наметами и шли рыбачить на ночь. Где-нибудь в узком месте на мели ставили три-четыре намета, ботали, пойманную рыбу тут же пекли в золе на костре и съедали. Вкуснее этой рыбы ничего не было! Рыбачили всю ночь, грелись у костра и снова лезли в воду. Утром шли с уловом домой. Останавливались у первого дома, где жил один из нас, и начиналась честная делёжка рыбы. Выносилась чашка, в неё накладывали рыбу, предварительно один из нас отворачивался, и спрашивали у него: - кому? -он отвечал-Кольке!, -или Вовке, и так всем поровну и честно. Все довольные уходили с уловом по домам, днём надо было ещё идти работать, обычно в это время возили копны сена или окучивали колхозный картофель. На реке была электростанция, недалеко от неё жил Матвей, в обязанности которого входило поднимать или опускать затвор плотины. Иногда он ставил морды, по несколько штук. Мы, конечно, это замечали и примерно через час поднимали его снасть. Обычно там было уже несколько голавликов. Из каждой морды брали по одной рыбе и ставили её туда же. Рыбы хватало и нам, и ему. Наверное, у Матвея был рак, всё лицо у него было постоянно забинтовано, и умер он внезапно. Сейчас вся речка заросла ивняком, никто не рыбачит, да и рыбы, наверное, там уже нет, потому что вся нечисть, какая есть в селе, сбрасывается в реку. Нет никакого пруда, негде купаться, как говорится, курица может пешком перейти. Почему-то никому она стала не нужна, хоть и выросло на ней не одно поколение. Поэтому про речку говорят так же, как и про землю, река- кормилица.

Ураган

В 1973 году, где-то в середине июля, по Понинской стороне прошёл ураган. После этого урагана три деревни снялись с насиженных мест и разъехались кто куда. В тот день я возил молоко от совхозных коров в деревне Кляпово. Была обеденная дойка. Я увёз доярок в лагерь на берегу реки Омуль, доярки слезли с тракторной тележки и начали доить коров. За каждой дояркой было закреплено примерно по 25 голов, но примерно половина из них не доилась: то нетели, то должны были отелиться. Доили долго, часа два, да и то попробуйте подоить в июльскую жару хотя бы одну корову! Слепни кусают, коровы не терпят стоять, у некоторых мастит, их скотники держали за ноздри, перевязывали ноги, чтобы не лягались! Я до сих пор помню руки доярок: они даже в старости не могли выправить ладони, пальцы были полусогнутые. Очень тяжёлой была работа доярок, но они не унывали, пели песни, веселились, шутили.

Ничто не предвещало ураган, просто внезапно стало душно, ветер усилился, коровы сгруппировались, все: и доярки, и скотники побежали в бытовку пережидать дождь и ветер. Ветер поднялся такой силы, что нашу будку стало качать из стороны в сторону, приподнимая подветренную сторону. Некоторые запели песню «по морям, по волнам, нынче здесь-завтра там!» Постепенно ветер утих, доярки вышли доить коров. В тот день я с трудом пробился к маслозаводу в Понино, на дороге лежали поваленные тополя, приходилось разворачиваться и ехать другой дорогой. Уже наутро другого дня я узнал, что снесло крыши в Чаново, Чульчепи, Кваляре и ещё в некоторых деревнях. Особенно сильные разрушения были в Чаново и Кваляре. После того урагана Кваляр не разрешили ремонтировать, сославшись на то, что деревня всё равно неперспективная. Людей расселили в других деревнях, кто-то уехал в Глазов, кто-то в Понино. Чаново ремонтировать приезжали солдаты с близлежащей воинской части, вроде несколько домов отремонтировали, но несколько домов всё равно снялись и уехали, за ними другие, и постепенно деревня кончилась. В августе я работал на комбайне, к нам несколько раз приезжал один житель Чаново, садился около нас, когда мы обедали. Говорил мало, смотрел в сторону своей бывшей деревни и тяжело вздыхал-здесь он родился, здесь вырос, женился, дети выросли и отсюда разъехались по свету! Очень тяжело было расставаться с родной деревней, но ничего поделать не мог! Деревня Чульчепи была небольшой, домов 15, точно не помню. Как-то незаметно все снялись и разъехались, наверное, половина в деревню Митино, остальные в Понино и другие деревни.

Случай на Чепце.

Август 2016.

Один знакомый мужик рассказал: в конце 50-х начале 60-х учился он на ревизора в кооперативном училище в Глазове. Было в Глазове и такое училище когда-то. Жил на квартире где-то на Энгельса, на берегу Чепцы. Однажды летом пошли они с другом прогуляться к Чепце. День стоял тёплый, и решили они с другом искупаться. На берегу кроме них никого не было, только поэтому они и решили купаться, а то бы ни за что, потому что трусов на них не было, а были они в кальсонах. Тогда половина мужчин ходила в кальсонах. Друг плавать не мог, а мой знакомый мог, немного. Как он говорит, Чепцу переплывал. Вот они покупались возле берега, вроде надо уже и выходить из воды, а приспичило другу переплыть Чепцу. Другу говорю, я недолго, туда и обратно сплаваю, а ты одевайся. Друг вылез одеваться, а я поплыл. До середины доплыл, устал. Ничего, на том берегу отдохну. Оглянулся, а тот берег уже дальше, никуда не денешься, надо переплывать. Переплыл, встал по пояс в воде и кричу другу, чтоб одежду принёс. Ведь я же голый! А друг не слышит, лежит себе на берегу, покуривая. Долго ещё кричал, но ничего не поделаешь, или приставляется друг, или в самом деле не слышит. Пришлось идти на ту сторону голым через мост! А на мосту люди стоят, парами, влюблённые, а я прохожу мимо них, голову наклонил, прикрылся ладонями и иду! А люди на меня смотрят мельком -зырк!-и быстро отворачиваются, как будто и не смотрят! Так и перешёл мост, потом по площади, по улице Толстого на Энгельса и на берег. Одежда лежит, а друга нету! Сбежал! Оделся я и пошёл снова на мост, послушать, о чём люди говорят. А говорят они вот о чём: Тут недавно какой-то мужик голый прошёл, бешеный что-ли, может из психиатрии сбежал! Вот как подставил меня друг! Хотел я ему морду набить, да месяц не мог найти, спрятался. А потом сам ко мне пришёл, с бутылкой. И снова мы друзья!

В четыре года я потерялся. Я всё время находился возле матери, которая кормила колхозных овец. Дворы находились напротив нашего дома, через улицу, овцы ягнились, и их оставляли во дворе с ягнятами, остальные были на пастбище. Я всё время был с матерью, пока она поила овец, кормила из соски некоторых ягнят, и вдруг-исчез. Мать подумала, что ушёл домой, и спокойно продолжала свою работу. Обедом пришла домой - меня нет. Вышла в огород, покричала немного-не отзываюсь. Сосед Игнатий окучивал картошку, подошла к нему, спросила. -:-Подходил, спросил, чья это лошадь, и куда-то ушёл. Мать вышла за огород, а за огородом высокая рожь! Если в рожь зашёл-не найти, там и взрослый потеряется. А под деревней-болото, если ушёл туда, может утонуть. Всё-таки мать пошла к болоту, ноги сами туда понесли, сердце подсказало, что я там. Подхожу, говорит, к краю болота, а я там, цветы собираю, в ручонке два-три цветка, и сам с собой разговариваю-: а вот ещё цветочек, а вот ещё...: Боится мать напугать меня, испугается ребёнок внезапности, и тоже начала собирать цветы, разговаривая-: а вот ещё один-так и подошли друг к другу. Недалеко от деревни стояла дуплистая липа. Дупло начиналось сразу от земли, и мы втроем прятались там от дождя. Весной мы лазали на эту липу и ели завязь цветков, вкусные они казались. Я полез, наверное, всех выше, дунул ветер, или сучок обломился подо мной, не помню. Помню только, как летел немного, потом удар о землю и темно. Очнулся уже дома, брат привёз на тачке через два часа. Оказывается, друзья мои со страху убежали по домам и никому не сказали, что я там лежу без сознания. Только через два часа брат догадался, что я там. Везли в больницу, нигде нет переломов, ушибов тоже нет, и выгнали домой, а ходить я не мог. Врач сказала, что отлежится и пойдёт. Отлечиваться пришлось неделю, потом еле встал и пошёл, сгорбившись, как маленький старичок, и держась за лавку. В доме была длинная лавка от стены до стены, ходил я только вдоль неё, дальше идти не мог, больно было позвоночник и спину. А ещё начал заикаться. Мать плакала, глядя на меня, думала, что это на всю жизнь. Примерно месяц я ходил вдоль стены, а потом выпрямился тихонько и пошёл. Липу эту, когда совхоз строил зерноток, выкорчевали и не знаю, куда убрали, а на её месте построили весовую. будку, в которой днём сидел кладовщик и взвешивал машины с зерном, а по вечерам митинская молодёжь играла в карты. Настала пора идти в школу. Мать поймала меня на улице, схватила меня за руку и повела домой, хоть я и сильно упирался. Дома вымыла в тазу с тёплой водой хозяйственным мылом мои ноги и руки, потому что все они были в цыпках. Кто не знает, что такое цыпки, объясню. Это трещины на коже рук и ног от грязи. Наверное, когда начал ходить, с тех пор летом не обували на ноги ничего, только босиком до шести лет. Ноги никогда не мылись, как бегали по грязи после дождя, так и засыпали на полатах уставшие за день. Мать вымыла ноги и намазала их кислым молоком. Это была пытка! Жгло ноги и руки нестерпимо, наверное до полночи я кричал, потом устал и уснул. Утром проснулся бодрый, удивительно, ноги уже не болели, трещин на коже не было. Старшая сестра Юля увела меня в школу. Про учёбу писать не буду, где-то у меня об этом уже написано. Меня удивило то, как быстро прошло детство, учёба в школе и вот я уже взрослый мужик. Я поступил на работу в совхоз трактористом. Работал и трактористом, и комбайнёром, а последние девять лет кузнецом. Совершенно не заметил, как пришла пенсия. Вроде только начал работать, вроде про работу даже и вспомнить нечего, а уже пенсионер и обидное звание ПОЖИЛОЙ. Я не

знаю, как назвать по другому взрослого человека, дожившего до пенсии, но пожилым я почувствовал себя только сейчас, когда мне исполнилось уже 68 лет. В 60 ещё не чувствуешь одиночества, ещё все твои коллеги по работе живы, есть с кем поговорить, вспомнить годы работы, а чуть попозже, когда один за другим начнут уходить из жизни твои друзья, когда почувствуешь одиночество, вот тогда ты уже пожилой. Пожилой - от слова пожить. Пожить на белом свете, и чем больше - тем лучше.

МОЙ ВЫБОР.

19.09.2016.

Прошли выборы. Несколько дней по телевизору перед выборами показывали дебаты партий. Каждый, как мог, расхваливал свою партию, каждый хотел, чтобы выбрали именно её, и всё у вас будет. Будет пенсия, бесплатная медицина, жильё, учёба и т.д. Почти все дебаты я прослушал и пришёл к выводу, что голосовать надо за правящую партию, какой бы плохой она не казалась на первый взгляд. Долго размышлял я и пришёл к выводу, что надо голосовать за Единую Россию. России не нужны новые потрясения, их она может уже не пережить. Сколько потрясений было у России, сосчитайте! Ни одна страна не пережила столько, сколько пережила Россия! Первая мировая война, революция, гражданская война, коллективизация, отечественная война, послевоенная разруха! Сколько ещё надо! Никак не можем успокоиться, наладить мирную жизнь. Мы кругом окружены НАТО, которые только и ждут беспорядки в России, чтобы прийти и забрать наши земли, свергнуть страну в хаос. При коллективизации люди умирали как мухи, еле выдюжили. В 1941 году у матери было уже четверо детей, младшему, Толе, в апреле полгода. Мука кончилась, хлеб испечь не с чего, мать опухла с голода, пошла к председателю просить немного муки чтобы хлеб испечь, а он говорит: -вон, лицо-то какое толстое, проживёшь ещё! Хорошо, что была весна, крапива выросла горькая редька, лопухи. Выжили! Отец в то время работал в Ижевске на военном заводе, туберкулёз зарабатывал. Пришёл в 1945 году из Ижевска пешком, немного уже пожил, в 1953 году умер в возрасте 45 лет. Туберкулёз съел. Не надо завидовать западу, нет такой страны, где все живут богато. Ни в одной западной стране не было столько потрясений, сколько пережила Россия! Последнее потрясение Россия не переживёт! Поэтому я сходил и проголосовал за Единую Россию, хоть очень хотелось за коммунистов. К старому уже не возвратиться.

ОСЕНЬ.

28.09.2016

Ах, какая красавица к нам пришла! Красавица, вышитая золотом! Золотая осень! И никакой Турции нам не надо, у нас красивее! Надо только увидеть эту красоту, а чтобы увидеть, надо подняться на какой-нибудь пригорок и глянуть вокруг. Почти каждую осень я делаю обход своей округи, и каждый год вижу, как меняется ландшафт окрестностей. Лес на заброшенных полях растёт на глазах, никаких лесопосадок не надо, сам растёт. Лога, которые когда-то выкашивались, заросли кустарником, и косить там больше нечего. Для меня всегда загадка, почему почти все лога берут начало на востоке и расширяются на западе? Лога - это бывшие овраги, которые сначала обросли травой, затем кустарником и лесом. В начале лога обязательно есть родник. Значит, и родники в большинстве текут с востока на запад. Подхожу к месту, где раньше стояла Понинская мельница. Называлась она раньше Володя вуко. Я помню её, когда она ещё работала. На Понинской стороне в стороне от мельницы стоял небольшой домик с нарами. Его называли Гербень. Здесь

ночевали приехавшие издалека, ждали своей очереди на помол. А на Митинском берегу до сих пор стоит серебристая ива. Листья у неё блестят, при небольшом ветерке переливаются как серебро. А вот тут земля провалилась вместе с осинами, у осин видны только верхушки. Близо не подхожу, провалишься - никто не найдёт. Наверное, выходит новый родник. Поднимаюсь на холм под названием Ярашам. Не знаю, почему так называется, сколько ни спрашивал - никто не знает. Вот откуда видна вся красота нашего края!!! Где, с какого места вы увидите округу примерно на пятнадцать километров кругом? Отсюда ночью видны огни Глазова. А леса какие!!! Вот осинник, он перекрасился в рубиновый цвет, а вот березняк блестит своим золотом листьев! Лишь хвойные леса оставляют свой зелено-голубой цвет. Красота необыкновенная, хочется смотреть и смотреть! Ни за что не сменю наш родниковый край на какой-нибудь другой.. Наверное, если есть где-то рай, то он такой. А воздух какой!!! Теперь очень хорошо понимаешь слова из песни: «...воздух Родины – он особенный, не надышишься им!» Что видят те, кто сидит безвылазно дома? Четыре стены и дом напротив. Выйдите, пожалуйста, на какой-нибудь пригорок, подальше от населённого пункта и любуйтесь природой! Дышите чистым осенним воздухом, пряным запахом прелых листьев, и вы почувствуете свежий прилив сил, особенно в пожилом возрасте. Краски осени - они прекрасны, как последние мгновения затухающего лета.

Кляповская речка.

14.10.2016

И не речка это вовсе, а длинный, крутой и местами глубокий лог с ручейком на дне. Не знаю, кто назвал этот лог Кляповской речкой. Находится он в километре к северу от деревни Митино. Начало берёт у подножья холма Ярашам, тоненькой струйкой пробиваясь меж известняка. (не могу назвать холм горой, гора всегда сравнивается с камнем, а здесь земля). И течёт этот ручеек строго на запад, к руке Омути. Ближе к реке ручей расширяется до полутора метров, уже не перешагнёшь так просто. Ближе к Ярашаму он местами глубокий, местами на дне растут берёзы и ели, достигая тридцати метров в длину, стараются обогнать своих соперниц, растущих на краю лога и вытянуться ещё выше, ближе к солнцу. Никто их не рубит, всё равно их не вытащить из лога, пусть себе растут. Только кое-где, там, где есть бобровые запруды, их валят бобры. Бобры запружают ручеек мастерски, перемешивают глину с травой, забивают в запруды колья и трамбуют её своим плоским хвостом. Лично я не видел, как они это делают, но слышал от старших. Моя старшая сестра рассказывала, как они с подружкой решили перейти ручей по запруде. Сестра перешла, а подружка взяла длинный шест, чтобы упираться об дно. На середине запруды она уперлась, шест не достал дна и она упала. На этом месте рассказы мы хохотали, как можно упереться об воду! Чуть пониже растёт чёрная смородина и жимолость. Удмурты говорят ЫЖ НОНЫ -по русски овечьи титьки. Они действительно похожи на овечьи титьки, тёмно-фиолетовые, сладкие с лёгкой кислинкой ягоды. Примерно в середине лога по правому краю есть поле, пока ещё не заросшее мелким лесом. На этом поле стоял сосновый бор, откуда мой дед Василий рано утром приносил грузди. Но лес вырубил а пеньки столкали в лог и леса не стало. Не хватало земли. Отец говорил, что это место называлось ЛЕЗЬЯСЬКОННИ (место для кидания).Ещё он говорил, что с этого места четыре богатыря кидали камни. Какие камни, куда кидали-никто не знает. Да и камней на поле нет, разве что местами известняк. Ближе к Омуту края лога уже положе, но и ручеек здесь шире. Здесь мы малышами ловили мальков и

пескарей, которые заплывают сюда из реки. Здесь всегда держали переезд с поля на поле, раньше был деревянный мост, а сейчас проложена труба и на неё бульдозером натолкали землю. Земля эта прорезана колёсами тракторов до дна, и проехать на машине через мостик невозможно.. У нас много очень красивых мест с интересными названиями. Удмуртия вся пронизана логами, а каждый лог-это родник. Недаром Удмуртию называют родниковым краем, а каждый родник-это новое название. Я написал об одном из них.

Про речку Синпал.

18.10.2016

В пятистах метрах к югу от деревни Митино течёт речка Синпал. По названию можно подумать, что у речки один исток, так как слово синпал переводится с удмуртского как глаз один, одноглазая. Но у Синпала два истока, и оба находятся в районе бывшей деревни Чульчопи (Чульчепи). Говорят, до революции одноглазый мужик из деревни Ишошур построил на речке мельницу, потому и назвали речку одноглазой-Синпал. Перед въездом в деревню Чульчопи, метрах в ста от деревни, через крутой лог был сделан проезд, назывался он урод выж (плохой мост), по дну этого лога течёт узенький ручеёк, этот ручеёк и есть один из устьев речки Синпал. А начинается он выше против течения из леса, название которого по удмуртски называют Гондыр коланни, по русски медвежье жилище, берлога медведя.. Второе устье находится в деревне Чульчопи. В деревне, в разное время примерно из двадцати-двадцати трёх домов не было колодцев, вся деревня носила воду из ключа, находящемся в логу на краю деревни. Воды хватало всем, и жителям деревни, и совхозному скоту. Здесь, на краю лога, чуть ниже по течению от ключа (я говорю ключа, а не родника, поскольку деревня всегда строилась близ родника, и этим родником как бы открывалась деревня, поэтому и называется родник в деревне ключом) стояли дворы, в которых сначала держали коров, затем овец и под конец бычков. С закрытием деревни в 1963 году дворы разобрали и столкали бульдозерами в лог. В деревне почти все жители были Васильевы, за исключением двух-одна семья была Агафоновы и одна Лысковы. Ближе к дороге на краю лога стоял длинный стол, который не убирался и на зиму. За этим столом обедали студенты и ученики Понинской школы, когда приезжали собирать совхозный картофель. Земля почти везде здесь песчанная, поэтому картофель почти всегда садили здесь-копать легче. На возвышенности, слева от деревни, сеяли зерновые культуры. Земля здесь с мелким гравием, много небольших родников, комбайны на уборке зерновых буксуют. На уборку выделяется буксир-гусеничный трактор. Здесь до сих пор видны окопы, оставшиеся после гражданской войны. Название холма- Учкон выр (гора, с которой смотрят.) В центре горы когда-то стояла трёхярусная вышка, говорили, что она поставлена военными. Со временем она развалилась, остался на месте только камень с какими-то цифрами-координатами. Одна такая же вышка стояла у деревни Кляпово, ещё одна – выше села Понино. Они образовывали как-бы треугольник. В босоногом детстве мы бегали играть на Понинскую вышку, забирались на неё, кто-нибудь из нас бросал сверху брючный ремень, ремень нёсся к земле пряжкой вниз и извиваясь как змея. В Чульчопи интересные названия полей и лесов, некоторые из них я помню, например Һазегсиённи – место, где едят гусей, а, может, место, где лисы съели чьих-то гусей. Винапксьтонни – место, где варят самогон, выльбусы - новая земля. Ключ, который находится в деревне Чульчопи – это второе устье речки Синпал. Дальше он течёт мимо

леса Данык, протекает мимо деревни Коршевихино и чуть пониже по течению оба глаза соединяются в один. Здесь речка уже чуть шире, местами до двух метров шириной. Чуть ниже бывшей фермы Синпал соединяется с рекой Омуль. Так деревня Чульчопи даёт оба устья речки Синпал.

Был ли Понинский район?

Молодые жители с. Понино, наверное, никогда не слышали и не знают, что с 1935 года по 1956 год был Понинский район, а Глазов с января 1921 по июнь 1921 года был столицей Удмуртии. Что были Бадзымшурский, Коршевихинский, Коршуновский, Золотаревский и т.д. сельские советы. Не знают, что в Понино были льнозавод, райпо, военкомат, типография газеты «Виль улон» («Новая жизнь»), РТС, переименованный сначала в МТС и впоследствии в мастерские совхоза «Понинский», был маслозавод, комхоз, больница, где делали даже операции и был даже роддом, был промкомбинат по ул.Труда, пекарня, торговый центр, районная почта, совхозная баня, было уличное освещение, за которое платил совхоз, кстати, и за воду тоже платил совхоз, жители села и не думали, что за это когда-нибудь надо будет платить. Был быткомбинат, где шили одежду по заказу, и где можно было подстричься. Я помню, какая грязная была улица Коммунальная. Перейти улицу с одной стороны на другую было невозможно, сапоги оставались в грязи, на улице буксовали трактора. Наконец, лет 35-40 назад улицу от моста через р. Шеснец до горы замостили булыжником, а затем через несколько лет закатали в асфальт. А улицу Новую от моста до маслозавода замостили сначала брёвнами, а поверх брёвен навозили землю и затем асфальтировали. Улицы Первомайскую и Пряженникова, которая сначала называлась Подгорной, совхоз залил бетоном, кроме того бетоном залили территорию мастерских и площадку зернотока в Митино. И на всё у совхоза были деньги. Чуть не забыл про стадион, который был по улице Набережной, с левой стороны, где каждую весну проходили скачки, и куда смотреть приходило всё село. Всё это было, было и прошло. С тех пор прошло не так уж много лет, но совхоз сумели закрыть и разграбить. Уличного освещения в селе нет, дороги никто не ремонтирует, можно сказать, что дорог в Понино нет совсем, тротуаров по центральной улице нет, люди ходят по центру улицы. В селе не осталось ничего из перечисленного. Ещё немного, и село можно закрывать. Осталось закрыть интернат и школу. И никому до этого дела нет.

На все вопросы у чиновников ответ один-нет денег! Так стоило ли рубить сук, на котором сидели? Для чего было закрывать совхоз, который платил за освещение и за воду? Совхоз в любое время выделял нуждающимся любую технику, любую помощь можно было получить оттуда. Нам говорили, что совхоз строится на наши пай, то есть на пай рабочих совхоза и что при выходе на пенсию каждый получит свой пай. Ну вот, мы на пенсии, а где пай? Всех рабочих совхоза обманули. Более половины совхозников уже нет, скончались, так и не получив ничего из обещанного, да и оставшимся уже ничего не надо, потому что ничего уже нет, всё продано. Повсюду лежат развалины зданий, которые продали и разобрали. Причём покупатель берёт только ему нужное, остальное оставляет на месте, и лежит этот мусор на месте никому не нужный. На берегу реки, где была баня, уже лет тридцать лежат обломки бани, и никто их не уберёт. Рядом стоит больше пяти лет сгоревший дом, как памятник селу. Даже запах в селе стал другой, пахнет каким-то старьём, а кое-где навозом. Неужели село больше не будет жить?

Кажется, что может быть общего с писателем Александром Грином, тем самым, что написал повесть *Алые паруса*, где девушка по имени *Ассоль* ждёт на берегу моря своего жениха. Можно сказать, самое прямое, поскольку не очень дальние родственники писателя когда-то жили и венчались в Архангельской церкви с.Понино. Вот данные, прочтите. Очень многие родственники писателя венчались в этой церкви.

Левковы) - семья деда А. С. Грина Стефана Федорова Лепкова.

Стефан Феодоров Лепков (Лебков, Левков) (пр. 1801, пр. Санкт-Петербург, - 29.06.1857, Вятка, отпет во Всехсвятской ц-ви, похоронен на Богословском кладбище) - 08.01.1856 в Вятской Всехсвятской ц-ви венчался вторым браком с дочерью губернского секретаря **Якова Григорьевя ШИРОКШИНА** (пр. 1786, Понино Глазовского уезда, -пр. 1827, пр. Нолинск) **Агрипиной** (13.06.1823, Глазов, - после 1864) воспитанник С.-Петербургского сиротского дома, помощник начальника съемки Вятской губернии, в отставке (с 1850), надзиратель в Вятской гимназии («4 летних месяца» 1854 года).

От первого брака детей не имел. Единственный ребенок от второго брака - **Анна** (14.01.1857, Вятка, Всехсвятская ц-вь, - 23.01.1895, Вятка, Больничная ц-вь, похоронена на Богословском кладбище) -15.09.1872 в Архангельской ц-ви с. Сосновки Сарапульского уезда венчалась с «дворянином Витебской губернии» **Стефаном Евсеевым Гриневским** (05.02.1843, Якубенки Дисненского уезда Витебской губернии, — 01.03.1914, Вятка, отпет в Больничной ц-ви, похоронен на Богословском кладбище, обучалась в Вятской повивальной школе (1890-1892).

ШИРОКШИНЫ - фамилия вятских крестьян, священноцерков-нослужителей, чиновников; предки А. С. Грина.

Зафиксирована в переписной 1678 года в Шестаковском уезде: «...Вобловицкая волость... Починоков Рябевской и в нем монастырские пахотники... Фетка Юдин сын Широкин. У Фетки братья Гришка 13 лет, Карпушка 10 лет. У них же складник в другой избе Ивашко Вологжанин... Во дворе Акимко Юдин сын Широкин...» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 521. Л. 1028, 1029).

Не исключено, что потомки именно этих крестьян заселили впоследствии деревню Широкины Заевского прихода Слободского уезда (до открытия прихода в Заеве - в Нагорском Рождественском приходе; «в приходе Трифонова монастыря Вобловицкой вотчины Нагорской Рождественской, церкви в деревне Средней крестьянин Исаак Сергиев сын Широкин 52 лет» — выпись из исповедных росписей 1749 г.), опустевшую лишь в начале 1980-х. Широкиных до сих пор немало в Нагорском районе Кировской области, особенно в Заевском сельсовете.

Не исключено также, что из этих же монастырских крестьян вышли и Широкины - причетники, самые дальние предки А. С. Грина.

По другому (больше интуитивному) предположению, предки писателя «начинаются» с «Успенского Трифонова монастыря Лекомской волости церкви Знамения Пресвятой Богородицы» попа Ивана Иванова, который, согласно переписи 1678 г., имел женатого сына Тимошку и неженатого Ивана 15 лет (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 521. Л. 973 об).

Первые сведения о достоверных вятских предках А. Грина отысканы пока что лишь в переписной 1710 г., относятся ко Всехсвятскому погосту Слободского уезда (иначе село Сырьяно-Всехсвятское; ныне село Всехсвятское Белохолуницкого района) и начинаются с попа местной церкви **Тимофея Иванова Широкина** (пр. 1669 - после 1736, до 1745) - был женат на некоей Марье Прокопьевой (род. пр. 1667), показан священником и в 1720 г.

Тимофея Иванова единственный (1736) сын Дмитрий (пр. 1694 -после 1755) - был женат на некоей Марине Микифоровой (свадьба до 1710 г.) (род. пр. 1693), некоей Марье Стефановой (пр. 1696 - 16.01.1755, отпета в Сырьяно-Всехсвятской ц-ви)⁴, пономарь (до 1741), сторож Всехсвятской ц-ви (1744, 1746), села Всехсвятского житель (1749, 1755), назначен дьяконом в село Карагайку Соликамского уезда (1745), но, видимо, это назначение состоялось лишь на бумаге.

Дмитриевы дети: **Иона (Иван)** (пр. 1708 ⁵ - до 1751) - был женат на некоей **Феодосии Васильевой** (род. пр. 1706, в 1750-м указана в с. Елово Глазовской округи у сына), Всехсвятской ц-ви пономарь (1736 и ранее), «взят в солдаты» в 1737 г. и, видимо, домой не вернулся; Федор (пр. 1710 - после 1736); Андрей (пр. 1725 - после 1798) - был женат на некоей Евдокии Михайловой (Максимовой) (пр. 1719 - 1790), пономарь Всехсвятской ц-ви (с 1741, на месте брата Ионы, уволен за штат в 1794-м); Мелания (род. пр. 1726); Егор («Егоргий») (пр. 1730 -1786) - был женат на

некоей Гликерии Потаповой (пр. 1726 - до 1781), пономарь Верховятской Екатерининской ц-ви (с марта 1749, ныне в окрестностях г. Кирс), был штрафован, наказан плетью «за непорядочные поступки» (из клировой ведомости 1783 г.); Агриппина (род. пр. 1726) - (в 1746 и 1748 гг. «прижила» двоих детей).

Андрея Дмитриева дети: Елизавета (пр. 1744 - после 1795) - была замужем за попом Сырьянской Николаевской ц-ви Ионой Антипьевым *КОШУРНИКОВЫМ* (пр. 1746 - 1789); Василий (пр. 1748 - после 1795, до 1798) - 30.01.1766 во Всехсвятской Сырьянской ц-ви венчался с дочерью крестьянина из дер. Самуловской (?) Сырьянского тяглого стана Слободского уезда, прихожанина Сырьянской Николаевской ц-ви Егора *ЧЕРЕЗОВА* Анной (пр. 1747 - после 1810), пономарь Всехсвятской ц-ви; Иван (род. 29.08.1752, крещен во Всехсвятской ц-ви).

У Василия Андреева известен сын Дмитрий (пр. 1768 - пр. до 1776). Егора Дмитриева дети: Анастасия (род. пр. 1751) - девица (1773); Иван (пр. 1754 - 17.04.1758, Сырьяно-Всехсвятская ц-вь); Анна (род. пр. 1756); Матрона (род. пр. 1758).

Ионы Дмитриева дети: Козма (пр. 1731 - до 1781) - был женат на дочери попа с. Елово Федора Ившина Елене (пр. 1729 - 1788), обучался в Хлыновской «славяно-греко-латинской» школе, в августе 1746 г. обратился в консисторию с ходатайством «о кормлении его с братом Гавриилом и сестрою Дарьей деду их сторожу Димитрию и дяде пономарю Андрею или о разделе имения», в результате чего был определен пономарем во вновь заведенное вотяцкое (удмуртское) село Елово (с 03.09.1746 г., по другим сведениям - с 08.12.1748 г.), затем служил там священником; **Гавриил** (пр. 1734 - 1784) - 14.02.1753 в Архангельской ц-ви с. Понино Глазовской округи (ныне в Удмуртии) венчался с дочерью тамошнего жителя Федора Мальгинова Ксенией, вторым браком был женат на дочери дьякона из с. Ржаной Полом Хлыновской округи **Никиты Софрониева ЛОЖКИНА** (род. пр. 1704) Евдокии (пр. 1740 — после 1791, после смерти мужа жила у сына Григория в Понино и со своей матерью у брата в селе Укан Глазовской округи), «праздно жил» у брата в Елово (1749), дьячок Понинской Архангельской ц-ви (с 1746 - ?), был штрафован "за поношение священнического чина и наведение присутственным местам затруднения" (из клировой 1783 г.); Дарья (род. пр. 1732) - девка

Не о том ли Мальгинове идет речь, именем которого была названа мельница Мальгиновка? В конце 20-х годов на правом берегу реки Омыть была построена мельница. Первыми к выстроенной мельнице со своими семьями приехали Мальгиновы, потому починок стал называться Мальгиновка. Возможно из их рода с девицей Ксенией венчался в Архангельской Церкви с. Понино Гавриил, прямой родственник семьи Александра Грина? Вопросов ещё очень много, но пока достаточно и этого

Детство.

28.11.2016

В огороде, почти в центре, метрах в пятидесяти от дома, стояла баня. Баня, конечно по-чёрному, но крыта она была соломой и, что удивительно, я не помню, чтобы она когда-либо загоралась. Наверное, она была большая, поскольку мылись мы в ней сразу шестером, нас четверо да два соседа, мылись из одного таза, севши на полатах вокруг него и черпая ладонями воду по очереди. Голову мыли обычно зольной водой, а хозяйственное мыло мы с братом Толей разрезали чёрной ниткой на четыре части, экономили. Ниткой - потому, что ножом крошится. В баню несли лампу без стекла, ставили её в угол, и она тускло освещала внутри бани. Когда мужики парились, лампу надо было выносить в предбанник, чтобы она не потухла от взмаха веников.

С нами всегда мылся сосед Игнатий, бани у него не было. Да и зачем она им, живущим вдвоём с женой Евдокией, бездетным? У них почему-то не было детей, и жили они вдвоём, уже старые, доживали свой век. Зимой всегда после того как попарились, Игнатий выскакивал из бани и валялся в снегу, затем снова заходил в баню и парился, а я всё это время лежал на полу, не мог выдержать жара. В этой бане мылись даже солдаты,

проходившие как-то по улице. Наверное, были какие-то учения, и проходившие по улице солдаты попросили у матери помыться в бане. Мать, конечно, разрешила. Их было человек десять, без оружия, с рюкзаками. Шумно зашли в ограду, старший что-то скомандовал, они разделились, кто-то начал чистить дорогу в баню от снега, кто-то пилить и колоть дрова, а кто-то носить туда воду. Воду носить было далеко, из колодца от колхозной теплушки. Пока баня топилась, некоторые зашли домой пообедать. Обед у них был свой, они вытаскивали его из рюкзаков. Какие-то банки, наверное, консервы. Потом мать долго берегла эти банки, вдруг пригодятся! На прощанье распилили все дрова, раскололи и сложили в поленницу, а старший оставил нам кусок хозяйственного мыла.

Игнатий был хорошим столяром, в сенях у него стоял верстак, где он мастерил оконные рамы и косяки, а в ограде гнул полозья для саней и делал колёса для телег. В 1961 году, когда образовался совхоз, стал ходить на работу в Понино, на ферму разнорабочим. Года через два умер, так и не выйдя на пенсию.

Евдокия осталась одна. Часто приходила к нам. Входя в дом, сразу окунала палец в опару, которая была в квашне слева от дверей, пробовала, не поспела ли. Затем, увидев нас, начинала петь: «На зарядку, на зарядку, на зарядку, на зарядку становись!» Эту песню пели каждое утро по радио перед гимнастикой. Мы, босоногие, смеясь, маршировали перед ней. Днём, когда взрослые уходили на полевые работы, она оставалась в деревне. Говорили, что она болеет. Только спустя некоторое время я понял, почему она оставалась в деревне – в деревне не было детского садика, и она оставалась, чтобы присматривать за нами и деревней. Часто она выходила на улицу и смотрела на нас, играющих где-нибудь на траве, приложив ладонь козырьком ко лбу. Через некоторое время после смерти Игнатия её увезли в дом престарелых, а недели через две-три привезли хоронить. Хоронили её всей деревней, очень жалея. Никого у них не осталось, кто бы мог прийти на их могилки поклониться, и жители деревни уже забыли, где они похоронены.

Соседями с другой стороны были Присмотровы, Александр и Маруся. Они были русские, но Маруся понимала и разговаривала по-удмуртски. Александр приходил к нам в баню редко, о нём помню только, что на груди у него были наколки, с одной стороны Ленин, с другой - Сталин. Иногда, когда был слегка выпивший, рассказывал про войну, которую прошёл. Рассказывал, как попал в окружение, как попал к партизанам и ходил с ними на задания, как снова попал в действующую часть и с ней дошёл до Венгрии. В Венгрии получил ранение и после него уже не воевал, его отправили домой. У них дома была швейная машина Зингер, на которой шила Маруся. Старшая дочь вышла замуж и получила квартиру в Глазове, куда вскоре перевезла родителей. Там они и умерли, там и похоронены. Ничего плохого сказать о них не могу, были добрыми соседями, всегда делились последним. Первую хорошую рубашку мне сшила Маруся.

Все соседи были добрыми, все пережили тяжёлые времена коллективизации, войны. В войну в деревнях умерло много жителей от голода, наверное, поэтому взрослые так любили детей. Я не помню, чтобы мать сидела за столом полностью, облокотившись обеими руками, всегда с краю, готовая встать из-за стола, чтобы только накормить нас. Спасибо Вам всем, добрые соседи, за помощь, что помогли нам вырасти. Может, и нас кто-нибудь вспомнит добрыми словами.

Новый год.

06.12.2016

Не помню, в каком году это было, лет тридцать или того больше назад. В Понинском детском садике встречали Новый год. Договорились с одним из родителей, что он будет Дедом Морозом, и что пройти надо под окнами детского сада на лыжах, с мешком за плечами и в полном одеянии Деда Мороза. В назначенный день детишкам рассказали, что сейчас под окнами пройдёт Дедушка Мороз с подарками и зайдёт в детский садик, чтобы раздать подарки. Дети прильнули к окнам.

И вот в назначенный час из-за дома появляется Дед Мороз на лыжах, подходит к окнам детского сада, приветливо машет рукой и идёт к дверям. Детишек от окон как рукой смахнуло, все спрятались под свои койки. Заходит Дед Мороз-никого нет, тишина, только воспитательница старается вызвать детей из под коек. Дети не выходят, боятся. Долго старались их вытащить из под коек, воспитательница говорила, что это не настоящий Дед Мороз, что это дядя Валентин, что это папа Коли – бесполезно!

Пришлось Деду Морозу раздеться и показать себя. Только после этого детишки начали потихоньку выходить из-под своих укрытий. Больше такие Новые годы в садике не проводили, поняли, что дети верят в настоящего Деда Мороза.

Бабушка.

06.02.2017

Жила в нашей деревне одна бабушка. Сколько её помнил – всегда куда-то спешила, то во двор, то в огород, то на кухню что-то стряпать, потом снова куда-то спешила. Во время войны один из сыновей погиб в последний день войны в Берлине, второй пришёл раненый в лёгкие навывлет и в ногу, ходил прихрамывая. После войны он работал в нашей деревне бригадиром. Были ещё у неё две дочери, одна умерла на автобусной остановке в Глазове, инфаркт, вторая вроде жила до старости. Сноха погибла нелепой смертью – склянка с лекарством, которое она везла домой в кармане плаща, нечаянно разбилась, осколок перерезал артерию на ноге, до дома не доехала, умерла.

Много горя пережила эта бабушка, наверное, даже привыкла к нему, никакой радости не видела. Муж её, тоже пожилой старик, часто болел, ходил с чёрной повязкой на одном вытекшем глазу. Тоже всё время что-то делал, то лыко для лаптей принесёт и несёт вязанку лыка к реке, замачивать. Утопит лыко, потом долго сидит на берегу, смолит свой неизменный «Байкал», на одну папироску которого требовалось полкоробка спичек. Иногда ходил рыбачить со своей неизменной удочкой, вместо лески на ней была белая нитка десятый номер. Ничего, пескарей и небольших голавликов выдерживала. Поплавок был сделан из пробки от шампанского, чтобы видеть. Мелкий поплавок он не видел. Сплёл он лапти и мне, только недолго я в них бегал, быстро подошва изнашивалась. Я не знаю, сколько им было лет, наверное, далеко за восемьдесят каждому, но так, как они любили друг друга всю свою жизнь, кажется, больше не видел. Они не могли прожить друг без друга день, если не договаривались заранее, кто-где будет.

Муж умер раньше её года на три, зимой. После его смерти она как-то притихла, уже не ходила также как раньше по своему хозяйству, часто её можно было увидеть присевшей где-нибудь с краешку на скамейке, притихшей и о чём – то думающей. Кто знает, о чём она думала? Наверное, о своей тяжёлой жизни, о детях, безвременно ушедших, о своём муже. Иногда выходила на улицу и смотрела вдаль, прислонив ладонь козырьком ко лбу. Когда её спрашивали, кого она высматривает, отвечала, что муж ушёл в

город да что-то долго не идёт, потерялся, что-ли? Потом она тоже умерла, так и не дождавшись своего мужа. Я намеренно не называю имён этих людей, потому-что таких судеб много. Надеюсь, они нашли друг друга в ином мире и живут счастливо.

ИГРА

13.02.2017

Чем старше становишься, тем больше хочется вернуться туда, где был в детстве, туда, где были твои друзья, которых можно было вызвать на улицу свистом, и в любое время друзья выходили, и мы занимались своим делом, играли в свои, незнакомые нынешним детям игры. Поэтому хочу я рассказать, во что мы играли.

Итак, выходил на улицу кто-нибудь из нас, подходил к окнам дома, где живёт друг, и свистел. Друг спрашивал, выйдя на крыльцо, - что надо? –Пойдём, чижа погоняем! Всё, коротко и ясно, каждый знал, что такое чижа гонять. Собиралось человек пять-шесть, все с палками длиной сантиметров восемьдесят, и кто-нибудь выносил городошную битку. Выходили на конец улицы, на улице нельзя, шум, да и вдруг улетит палка по чьему-нибудь окну!

Теперь надо выбрать водящего. Для этого было несколько считалок, я ещё помню несколько из них. Нынешние дети наверное не знают ни одной, поскольку для компьютерных игр они не нужны. Вставали вкруг и считались, выбирали водящего. Примерно так: - вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана и т.д. Я до сих пор не пойму, откуда все дети узнавали эти считалки? Ну ладно, у нас в деревне взрослые передавали младшим, и так шло по кругу. Но в других районах, республиках, наверное, во всём Союзе считались точно так же! Компьютеров не было, телефонов сотовых тоже, как передавали друг другу считалки? Ну ладно, выбрали водящего.

Теперь посреди дороги чертили круг диаметром примерно один метр, в середину круга ставилась на попа битка. В двадцати шагах от круга чертили линию. От этой линии каждый игрок, кроме водящего, должен был кинуть свою палку в битку, попасть в неё. Если кто-то попадал – битка улетала дальше, водящий должен был снова ставить её на дорогу, ровно напротив того места, куда она упала. А игрок вставал рядом со своей палкой, готовый в любой момент взять свою палку и бежать за линию. Так гнали чижа иногда очень далеко, несколько раз до Кляпово, а это три километра от нас. Не доходя до деревни несколько метров, кто-нибудь из игроков специально кидал свою палку мимо. Тут надо было всем схватить свои палки и бежать обратно, за линию, откуда начиналась игра Бежали так, что сзади пыль вилась столбом, слабые отставали.. Не добегая до линии, надо было палкой задеть круг, а водящий должен был поставить битку в круг и бежать за линию. Иногда поставленная битка падала, водящему снова приходилось выбегать и ставить битку. Игра начиналась снова, первым бил тот, кто прибежал первым, а последний становился водящим. Но так было редко, обычно водящий не выигрывал никогда и оставался водящим до конца игры. Начинало темнеть, матери звали нас домой, приходилось прекращать игру.

А смерть не идёт!

06.03. 2017

Нынче люди стали умирать рано. Чуть за шестьдесят проживут – и всё! Будто бы всё на земле сделали и жить больше не надо. А дети ещё не выросли, у некоторых ещё и бороды нет, а уже надо входить во взрослую жизнь! Вот раньше было!!! Работал мужик на

поле, землю пахал или дрова рубил – всё делалось без помощи разных механизмов, вручную. А воздух какой чистый!!! Надышится им и ничего больше не надо! И сено косил для живности косой, а не на тракторе, еда была не в магазине куплена, хлеб свой, каравай, напитки химические разные не пил, на столе всегда деревенский квас. В праздники медовухи немного выпьет и всё! И похмелья нет, назавтра опять на работу идёт, у скотины праздников нет, все есть хотят. И задумал один старик девяносто пятилетний помереть. Собрал всю семью, сыновья семьями приехали и начали готовиться к смерти отца. Еды наготовили, медовухи наварили, дом чисто вымыли и ждут, когда отец помрёт. А отец лежит в другой комнате под образами, чисто помытый в бане, веником берёзовым пропаренный, смерть ждёт. А смерть не идёт! И свечи поставили в изголовье, и в руки одну воткнули, нет смерти! День лежит, второй день лежит, семья в другой комнате сидит смиренно, тишина в доме, изредка заходят к отцу, посмотреть, не помер ли ещё? Нет, лежит живой! Через неделю, смерти не дождавшись, встаёт и идёт в ограду. :-- Пойду хоть дров поколю, что-ли, не дождёшься её!.

Алкоголь победил.

06.03.2017

Сравниваю нынешних мужчин, если можно их назвать мужчинами, с мужчинами старшего поколения. Нынешние мужики ни в какое сравнение с ними не идут. Если мужчины старшего поколения первую заповедь – родить ребёнка, посадить дерево, построить дом – выполняли, то нынешние мужики хоть одну да заповедь не выполняют. Только в моей небольшой деревушке четыре мужика неженаты, нигде не работают и ждут пенсию. В среднем им по пятьдесят лет, до пенсии им жить да жить, можно бы хоть что-то делать, зарабатывать на жизнь, а у них с утра одна проблема – где бы опохмелиться? Дошло до того, что забросили огороды, ничего не сажают, а если и сажают картофель – не убирают, некогда. Иногда весной, если не заморозит, выкопают ведра два.

Раньше мужик, хоть какой он пьяница будь, на период посевной и уборки пить переставал, знал, что весенний день год кормит. В Понино только один мужик был неженатый, и тот в сорок пять лет женился, правда, детей уже не завёл, никого после себя не оставил. Каждый мужик знал, что после него останутся жить его дети, им надо жильё, поэтому строил дом, а некоторые и два. Сейчас в этих домах живут их дети, этим детям уже по пятьдесят лет и дом им уже не построить. Их дети устраиваются жить в городах, снимают комнаты, некоторые живут в общежитиях, кто-то, кто наберёт денег, купит квартиру. Это способствует исчезновению деревень.

Жила одна такая семья в нашей деревне. Отец хоть и пил, на сенокос пить переставал, держал корову и овец, косил для них сено. Перед пенсией, лет в 55, стал пить беспробудно, отправили в ЛТП – (лечебно-трудовой профилакторий) на два года. После лечения не пил восемь лет, купил детям автомашину «Запорожец», построил дом и снова запил. Вышел на пенсию, года в шестьдесят два умер.

Эстафету переняла жена – тоже пила постоянно, жили вдвоём с сыном, сын нигде не работал, одной материной пенсии не хватало, мать ходила по деревне, занимала деньги. Через некоторое время умерла в бане, пошла в баню пьяная, сердце не выдержало. Сын остался в доме один, нигде не работал, пил. В огороде были посажены все овощи, посажен картофель – пришла зима, а он ничего не убрал, всё оставил под снег. Ему привезли дрова, надо было их только расколоть – не колот, некогда, надо искать, где бы выпить? Так и жил месяца два, в нетопленной избе, голодный. Попал как-то навстречу с

пакетом в руке, чем-то заполненным. «Неужели за ум взялся, пить перестал?» - подумали жители деревни, ан нет! Оказывается, ходил в село продавать электроплитку, никто не купил. «Для чего она мне, всё равно еду варить не из чего, всё под снегом». Заходишь к нему домой – он лежит на кровати в одежде, укрытый одеялом. «Что лежишь, делать нечего?» – «Когда лежишь, меньше кушать хочется». «Если бы я у тебя купил электроплитку, что бы ты делал с деньгами?» - «Пропил бы» - вот и весь ответ. Перед Новым годом умер. Была ещё в Глазове у него сестра замужняя, тоже умерла, алкоголь победил. Семьи не стало.

Веме, или помощь.

20.03.2017.

Примерно до 2000 годов в Удмуртии не было соцработников, просто пожилым людям помогали соседи, родители жили с детьми, а у кого не было детей, пожилых просто сдавали в дома престарелых, на соцобеспечение. Там старики и старушки доживали свой век, там же их и хоронили, если не находилось родственников.

Я помню, как делали веме у нас в деревне. Я уже как-то рассказывал, что нашими соседями с одной стороны были пожилые люди, детей у них не было, помогать некому. Звали их Игнатий и Евдокия. Зимой, в выходной день у их дома собрались несколько человек, мужчин и женщин с взрослыми детьми. Наша семья вышла тоже. Несколько человек стали чистить дорогу в баню, кто-то уже нёс туда дрова, кто-то воду.

Баню затопили. Пока баня топится, несколько человек пилили дрова, кололи. Я со своими друзьями их складывал в поленницу. Тем временем вода в бане согрелась, женщины принесли несколько вёдер тёплой воды домой и стали мыть потолок, стены и пол дома зольной водой до желтизны. Старики в это время сидели на краюшке кровати, молча наблюдая за хлопотами женщин.

Много лет они прожили, много горя повидали, почти вся жизнь прошла в непосильном труде. При коллективизации отобрали лошадь и корову, сослались на то, что бездетным они ни к чему. После этого они держали только гусей, молоком снабжали соседи, им, пожилым, много не надо. Картошку им сажали мы, копали тоже мы. Мелочь огородную они сажали сами и почти всегда в огороде была видна фигура Евдокии. Игнатий работал в колхозе, если и приходил пораньше, всегда столярил в ограде, где у него были приспособления для изготовления дуг, полозьев саней и колёс к телегам.

Баня в это время поспела, старики ушли мыться, а мы уже заканчивали распилку дров, уборку снега в ограде, женщины закончили мытьё дома, в ограде развешали выстиранное бельё стариков. На зимнем ветру быстро высыхает.

Выставили на стол обед, суп с бараниной, который томился в это время в топленной с утра битой русской печи. А тут и старики пришли из бани, отдохнули немного и сели за стол. Ах, какая это была еда!!!Какой запах стоял в чистой избе!!! И целый каравай своего свежеиспечённого хлеба на столе!!! Стариков первыми усадили за стол, затем сели и остальные. Игнатий произнёс какую-то речь, вроде того, что нельзя забывать соседей, больных, надо всем помогать. Сегодня поможешь ты, завтра помогут тебе. Жаль, что эти простые слова нынче забыли.

Все поели, поблагодарили хозяев и ушли, попрощавшись. Я вернулся, потому что забыл на лавке варежки. Старики плакали молча, сидя за столом. Но это не были слёзы горя, это были слёзы благодарности.

Сейчас технология уборки сена и соломы сменилась. Если раньше за каждым комбайном во время уборки зерновых оставались копны соломы, то сейчас комбайны выпускаются без копнителёй, солома измельчается и остаётся сзади комбайна как органика. А до этого солому сволакивали в определённые места и стоговали, а зимой эти стога на гусеничных тракторах сволакивали к животноводческим дворам. Иногда соломы было столько, что она оставалась на поле и гнила. Поэтому при пахоте бригадир или управляющий фермы заставляли её сжигать на месте. Однажды весной мы вдвоём с напарником пахали Чановское поле, где так-же было несколько позапрошлогодных стогов соломы. Проезжая мимо стога, мы на ходу кидали в стог зажжённую спичку. Загон был длинный, километра два, поэтому когда возвращались, стог уже догорал, лишь немного дымился, проезжали прямо через дымящуюся солому.

Один стог стоял метрах в пятидесяти от небольшого лиственного леса, в который на ходу я кинул зажжённую спичку. Возвращаясь обратно, увидел, что дым идёт уже из леса. Ветер был в сторону леса, огонь пошёл по жнивью и поджёг сухие ветки. Вроде там и гореть было нечему, ветки берёз и осин зелёные, трава тоже, но всё равно чего-то дымело. Я выскочил из трактора, сломал на бегу зелёную осиновую ветку и затушил огонь, кое-где появляющийся из под зелёной травы. Когда шёл обратно, заметил в куче валёжника какого-то небольшого зверька, который лежал под ветками, уткнувшись мордой в землю. Я потрогал его веткой – живой! На руках у меня были рукавицы, поэтому я не опасался, что зверёк укусит или уколёт. Тихонько взял его на руки, он был мягкий, спокойно лежал на моих руках. Решил вынести зверька из дыма на волю, чтобы не задохнулся. Выйдя на поле, стал рассматривать его внимательнее. Зверёк был сантиметров тридцать в длину с тремя продольными белыми полосками вдоль спины. Погладив его поперёк шерсти, от хвоста к голове, я ужаснулся – всё тело его было покрыто клещами, буквально каждый сантиметр! Я выронил его из рук и лихорадочно стал осматривать себя, не перешли ли клещи на меня! Рукавицы я куда-то уже выкинул, на животе и руках ничего не было. Подъехал напарник, с ним вдвоём осмотрели меня – ничего не нашли. Видимо клещи все впились в зверька, не оторвать. Я не знаю, выжил ли этот зверёк, а может все дикие звери весной носят на себе клещей и привыкли к этому?